

И. В. Лучицкий

**Вопрос о крестьянской
поземельной собственности
во Франции до революции**

**И продаже национальных
имуществ**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. В. Лучицкий**
Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до революции: И продаже национальных имуществ / И. В. Лучицкий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 44 с.

ISBN 978-5-518-01588-3

ISBN 978-5-518-01588-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

что Лавернь въ своей книгѣ: *économie rurale de la France depuis 1789*, уже рѣшился категорически заявить и заявилъ, какъ о вещи бесспорной, что революція вовсе не увеличила количества мелкихъ собственниковъ, и даже пошелъ дальше Токвиля,—сталъ утверждать, что продажа національныхъ имуществъ оказалась болѣе выгодной для средней, а не для мелкой собственности. Это высказанное Лавернемъ мнѣніе начало постепенно получать права гражданства въ наукѣ, и даже развито было въ болѣе широкомъ видѣ. Авторъ, напр., специальной работы о продажѣ національныхъ имуществъ, Авенель (*Avenel, Lundis révolutionnaires*) уже сталъ прямо доказывать, что продажа національныхъ имуществъ была выгодна лишь для одной буржуазіи, для крупныхъ банкировъ, дѣльцевъ и т. ц., что почти вся проданная земля была скущена спекулянтами, цѣлыми компаніями. Даже новыя мѣры, принятія конвентомъ въ видахъ содѣйствія развитію крестьянской собственности, именно: предписаніе продавать и эмигрантскія, и оставшіяся непроданными церковныя земли по маленькимъ участкамъ, въ видѣ *lots*, по мнѣнію Авенеля, воспроизведенному затѣмъ въ почтенномъ трудѣ Н. И. Карѣева (*Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи*, стр. 470—471),—ни въ малой степени не увеличили крестьянской собственности. Напротивъ того, земли эмигрантовъ, по словамъ Авенеля, попали въ руки поставщиковъ арміи, попали „*en bloc*“, вопреки, значить, приказу конвента о продажѣ по мелкимъ участкамъ. Даже болѣе. Авенель, какъ и тѣ, кто приняли его мнѣніе, стали доказывать, что земли эмигрантовъ продавались *тѣмъ же порядкомъ, какъ и церковныя*, и что продажа ихъ шла *туло*. (*Avenel, 34; Карѣевъ, 471*). Еще шагъ далѣе былъ сдѣланъ г. М. Ковалевскимъ въ его работѣ: „соціальное законодательство конституанты“ (Сборникъ Правовѣднія, т. I, 1893 г.). „Не повторявшаяся еще въ исторіи земельная революція, пишетъ онъ между прочимъ,.. пошла на пользу почти *исключительно* среднему сословію въ лицѣ не однихъ только капиталистовъ, но и членовъ либеральныхъ профессій, *главнымъ же образомъ фермеровъ*“. И онъ смѣло притягиваетъ: „*вся свѣдѣтельства сходятся въ признаніи, что большинство проданныхъ съ публичныхъ торговъ земель церкви сосредоточилось въ рукахъ прежнихъ арендаторовъ*“.

Вопросъ, такимъ образомъ, является, повидимому, исчерпаннымъ и окончательно рѣшеннымъ. Но, странное дѣло. Ни въ одной почти изъ работъ, затрогивавшихъ исторію продажи національныхъ иму-

шествовъ, мы не находимъ почти слѣдовъ изученія или хотя бы простого знакомства съ тѣмъ матеріаломъ, который въ данномъ случаѣ одинъ только можетъ имѣть и долженъ былъ бы имѣть первенствующее значеніе. Я разумю самые акты продажи, *procès-verbaux des ventes des biens nationaux*. Правда, Токвиль,—наиболѣе осторожный въ своихъ выводахъ,—увѣряетъ, что онъ пересматривалъ эти акты, эти *procès-verbaux*. У всѣхъ другихъ на нихъ нѣтъ и ссылокъ. Но дѣйствительно ли имѣлъ Токвиль *есть* акты продажи подъ руками или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ? Въ этомъ можно болѣе, чѣмъ усумниться. Въ парижскомъ національномъ архивѣ актовъ продажи нѣтъ: *есть* они находятся въ департаментскихъ архивахъ и представляютъ собою грандіозную коллекцію, которая,—если бы она была собрана и свезена въ одно мѣсто,—для одного просмотра потребовала бы не малаго числа лѣтъ. А между тѣмъ, еще и до настоящаго времени въ большинствѣ архивовъ разборка и рассортировка актовъ продажи не только не кончена, но даже еще и не начата, да и въ тѣхъ, гдѣ они приведены въ порядокъ и классифицированы,—работа эта сдѣлана всего 10—15 лѣтъ тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ архивахъ, какъ въ архивѣ Pas de Calais (Аррасъ), лишь недавно разыскана и приобщена къ архиву значительная часть ихъ. Тоже, какъ мнѣ сообщали, имѣло мѣсто и въ другихъ архивахъ. Очевидно, что у Токвиля могла быть въ рукахъ лишь самая незначительная часть *procès-verbaux* и что, поэтому, и выводы его врядъ ли можно было бы признать вполне обоснованными. Да кромѣ того, изъ актовъ продажи Токвиль могъ усмотрѣть развѣ одно, а именно: въ чьи руки, буржуазіи или крестьянъ, попала продаваемая земля. Но ни въ какомъ случаѣ данныя *procès-verbaux* не давали ему и не могли дать ни малѣйшихъ указаній на то, владѣлъ или не владѣлъ собственной землей каждый данный покупатель и въ какомъ размѣрѣ. Такого рода свѣдѣніи акты продажи, къ сожалѣнію, не даютъ, ибо, въ противномъ случаѣ, не трудно было бы до извѣстной степени возстановить размѣры крестьянскаго и буржуазнаго землевладѣнія до революціи,—чего Токвиль не сдѣлалъ, не могъ сдѣлать и о чемъ онъ умалчиваетъ. Повторяю, впрочемъ, что Токвиль былъ крайне остороженъ въ своихъ заключеніяхъ и утверждалъ лишь то, на что до нѣкоторой степени давали ему право, хотя и немногочисленные, но прочныя данныя. У послѣдующихъ изслѣдователей, при полномъ уже отсутствіи данныхъ изъ *procès-verbaux* и

лишь на основаніи, главнымъ образомъ, заключеній Токвиля, выводы были сдѣланы, какъ мы видѣли, болѣе смѣлые и широкіе, но необоснованные на скольконибудь серіозныхъ фактахъ. Да и какое значеніе могутъ имѣть выводы, если,—какъ то можно сказать относительно Авенеля,—акты продажи имѣній эмигрантовъ показываютъ какъ разъ обратное тому, что онъ утверждаетъ? Вѣдь дѣло въ томъ, что законъ конвента примѣнялся въ провинціи всецѣло, продажа совершалась мелкими участками, которые приобрѣтались массой лицъ. Мы должны, впрочемъ, сдѣлать одно исключеніе въ пользу г. Ковалевскаго. Въ своей работѣ, упомянутой выше, онъ опирается на *единственность* въ исторической литературѣ изслѣдованія, основанномъ на непосредственномъ изученіи актовъ продажи національныхъ имуществъ. Это изслѣдованіе Минцеса: *die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution mit besonderer Berücksichtigung des Departements Seine und Oise*, Jena, 1892. (Изслѣдованіе, сдѣланное имъ впервые и строго и солидно обоснованное (въ томъ, что касается самого процесса продажи).) Но,—и я позволю себѣ повторить здѣсь то, что сказано было мной въ замѣткѣ о книгѣ г. Минцеса въ *Revue Historique* (1894 г., № I),—«врядъ ли г. М. могъ рѣшиться во всей полнотѣ вопросы, связанные съ продажей національныхъ имуществъ. Для этого ему необходимо было бы изучить имѣющіяся статистическія данныя, если не для всей Франціи, то, по крайней мѣрѣ, для нѣсколькихъ департаментовъ, наиболѣе типичныхъ въ экономическомъ отношеніи». Съ другой стороны, «тѣ принципы, тѣ тенденціи, которые существовали у многихъ дѣятелей и національнаго собранія, и конвента»—и на которые указалъ въ своей работѣ г. Минцесъ, а вслѣдъ за нимъ повторилъ и г. Ковалевскій,—«оказывали ли они вліяніе на всю Францію? Политива ихъ была ли одной и тойже, что въ департаментѣ Сены и Уазы, что и во всей Франціи?». Не должно забывать также что г. Минцесъ говоритъ лишь объ одномъ департаментѣ и *не дѣлаетъ* обобщеній отъ него на всю страну. Да и понятно: департаментъ Сены и Уазы находился у самыхъ воротъ такого крупнаго экономическаго центра какъ Парижъ, города, стянувшаго всѣ силы, всѣ богатства страны, насчитывавшаго въ своихъ стѣнахъ наиболѣе крупныхъ капиталистовъ, буржуа, еще до революціи скулавшихъ здѣсь земли—въ чемъ г. М.—съ могъ бы легко убѣдиться на основаніи инвентаря архива Сены и Уазы (*série E*). Насколько другіе города могли оказы-

вать на покупке такое же дѣйствіе, какъ Парижъ? Имѣются ли малѣйшія основанія утверждать, утверждать смѣло, что то, что имѣло мѣсто въ окрестностяхъ Парижа, имѣло равнымъ образомъ мѣсто и повсюду во Франціи? Правда, г. К—ій, обобщая выводы Миндеса, ссылается на изданные *procès-verbaux des ventes des biens nationaux* по департаменту Сарты (de la Sarthe). По его словамъ, документы продажъ и въ этомъ департаментѣ убѣждаютъ въ томъ, что перемѣщеніе собственности пошло на пользу среднихъ и высшихъ слоевъ буржуазіи. „Въ массѣ приведенныхъ Legeau'емъ (издателемъ) купчихъ фигурируютъ, говоритъ г. К—ій, члены окружныхъ судовъ и мировые судьи (всѣ ли послѣдніе принадлежать къ буржуазіи?), меры и муниципальные совѣтники (въ сельскихъ общинахъ и др. и другіе также, развѣ, не изъ крестьянъ, а изъ буржуазіи?), прежніе фермеры“ и т. д. „Уже то одно обстоятельство, что *большинство* (?) отчужденій сопровождается платежами десятковъ и сотенъ тысячъ ливровъ, устраняетъ мысль о томъ, чтобы пріобрѣтателями могли быть крестьяне въ сколько нибудь значительномъ числѣ. Далѣе. Скромные платежи, какъ въ 220 л., производятся стряпчими и адвокатами, иногда также разбогатѣвшими ремесленниками“. „Къ сожалѣнію, добавляетъ г. К—ій, не всегда указано общественное положеніе пріобрѣтателя, но въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдуетъ такое указаніе, мы *каждый разъ* встрѣчамся съ членомъ высшей или мелкой буржуазіи“. Къ числу этой послѣдней г. К—ій относитъ и фермеровъ, „въ рукахъ которыхъ сосредоточивается *большая часть* отчуждаемыхъ земель“. Но странно, почему г. К—ій дѣлаетъ ссылку лишь на одинъ первый томъ и умалчиваетъ о 2 и 3 томахъ. Между тѣмъ, если бы онъ заглянулъ и въ нихъ и занялся точнымъ перечисленіемъ данныхъ всѣхъ трехъ, то быть можетъ картина получилась бы иная... Какъ, напр., согласить вышеприведенныя утвержденія съ данными хотя бы по дистрикту Fresnay-sur-Sarthe? Купчія по этому дистрикту (ограничиваюсь землями de la première origine) приведены въ количествѣ 764. Изъ нихъ: купчихъ, совершенныхъ *laboueurs*,—179, *journaliers*,—7, *cultivateurs* т. е. простыми земледѣльцами—крестьянами—33, *bordagers*—38, *vignerons*—2, мелкими ремесленниками—62, мельниками, кабатчиками, и т. п. лицами изъ земледѣльцевъ, занятыхъ промыслами,—36, *domestiques*—3 и т. д., всего около 350 купчихъ. Остальныя падаютъ на долю купцовъ (*marchands*) какъ *сельскіе*, т. е. опять земледѣль-

цевъ, такъ и городскихъ, bourgeois, судей, администраторовъ, negociants и т. д. Покупки въ громадномъ большинствѣ случаевъ касаются мелкихъ участковъ, въ $\frac{1}{2}$ journal, даже и менѣе. Особенно крупныхъ почти нѣтъ, но средніе по величинѣ участки покупаются безразлично и крестьянами, какъ и буржуазіей. Laboureur изъ René покупаетъ, напр., землю въ размѣрѣ 38 j за 17500 l, (III, стр. 353—4), laboureur изъ Meurcé на 6330 l. (стр. 320), два laboueurs на 18 тыс. (288), laboureur изъ Assé-le-Boine—на 48 т. (278), и т. д. Большинство покупокъ крестьянами—мелкія въ размѣрѣ отъ 200 до 1 т. ливровъ. Что же касается *fermiers*, то ихъ среди покушниковъ всего 10. Одинъ—на 1400 l. (3 hommées), 1—на 24 тыс. l.—21.500 (53j), 1—на 8500, ($7\frac{1}{2}$ agr.), 1—на 2.500 (2j), 1—на 1325 (1j), 1—на 15100 (métairie), 1—15000 (32j) и т. д. А тоже почти и въ дистриктѣ Mamez. Еще менѣе можно было бы опираться на такія свидѣтельства, какъ свидѣтельство англичанки, бывшей въ Аррасѣ и утверждавшей, будто фермеры якобы скупаютъ все, побуждаемые и поощряемые къ тому, или на сообщеніе министру о томъ, что фермеры Пикардіи смотрятъ на себя, какъ на законныхъ обладателей земель, снимаемыхъ ими прежде въ аренду¹⁾. Подобныя свидѣтельства въ вопросахъ, требующихъ возможно болѣе точныхъ данныхъ для своего объясненія,—а такимъ и является именно вопросъ о перемѣщеніи земель,—должны были бы быть провѣрены актами продажи. Подтверждаютъ ли они, эти акты, указанные свидѣтельства? Вотъ, вѣдь, въ чемъ вопросъ. „Если бы г. К—ій пересмотрѣлъ, подобно мнѣ“, акты продажи земель по дистрикту Арраса, онъ врядъ ли рѣшился бы принять на вѣру свидѣтельство англичанки, проживавшей въ Аррасѣ, врядъ рѣшился бы утверждать, что *эти* данныя подтверждаютъ сдѣланный имъ выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, что показываютъ намъ акты продажъ по дистрикту Арраса? А вотъ что: изъ болѣе чѣмъ 5 тысячъ лицъ разныхъ званій (въ томъ числѣ весьма значительнаго количества крестьянъ, батраковъ и т. д), купившихъ три съ половиною тысячи участковъ бывшей церковной земли, только 179 фермеровъ (*fermiers*) оказалось въ числѣ покушниковъ. Затѣмъ изъ этихъ 179—100 купили участки отъ 10 до одного и меньшаго количества дней или моргеновъ (*journalaux*),

¹⁾ Что это сообщеніе не касается факта продажи ^{нѣд.} и ^{нѣд.} факта, догадаться не трудно, особенно если припомнить, что дѣло идетъ объ известномъ *droit de marché*.

59—отъ 10 до 50, 15—отъ 50 до 100, 6—отъ 100 до 200 и всего 9 свыше 200 до 400!

Приведенный моими работами по исторіи крестьянской реформы въ 3. Европѣ въ вопросу о революціи и вліяніи ея на положеніе крестьянскаго сословія во Франціи, наткнувшись на указанная противорѣчія и мало обоснованныя мнѣнія, я счелъ необходимымъ произвести изысканія на мѣстѣ, въ департаментскихъ архивахъ, въ нѣсколькихъ изъ нихъ, съ цѣлью хоть сколько нибудь ориентироваться въ этомъ темномъ вопросѣ, собрать точныя данныя о ходѣ продажъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе города могло быть наименьшимъ, какъ и такихъ, гдѣ оно сказывалось съ большей силой. То была главная цѣль моей работы въ архивахъ въ теченіе четырехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, которыми я былъ въ состояніи располагать.

Но изученіе только однихъ данныхъ procès-verbaux показалось мнѣ далеко недостаточнымъ для выясненія вопроса о роли революціи въ развитіи и судьбахъ крестьянскаго землевладѣнія во Франціи. Мнѣ казалось, что данныя актовъ продажи только въ такомъ случаѣ могли имѣть значеніе, если бы мы обладали возможно болѣе точными свѣдѣніями о томъ, каковы были размѣры крестьянской собственности до революціи, ибо лишь тогда рѣшался бы самъ собою вопросъ: увеличилось или нѣтъ и число мелкихъ собственниковъ, и количество крестьянской собственности.

Для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ исторической литературой по этому послѣднему вопросу, ясно, что точныхъ, основанныхъ на статистическихъ данныхъ изслѣдованій нѣтъ. Какъ и въ вопросѣ о продажахъ національныхъ имуществъ, существуютъ и здѣсь противорѣчивыя мнѣнія, и въ то время, когда одни, какъ напр., Токвиль, Лавернь, Монтоже (*Montaugé, l'agriculture et la vie rurale dans le pays toulousin*), Калоннъ (*Calonne, la vie agricole en Picardie et Artois*), Матье (*Mathieu ancien régime dans la Lorraine et Barrois*) и цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей утверждаютъ, что мелкая крестьянская собственность была сильно развита въ Франціи до революціи и что крестьяне владѣли значительнымъ количествомъ земли,—другіе,—какъ главнымъ образомъ наши русскіе изслѣдователи,—склонны отрицать это. Г. Ковалевскій (въ своей статьѣ: „Крестьянское хозяйство во Франціи столѣтъ назадъ“ въ „Русскомъ Богатствѣ 1893 г. № 2—4) говоритъ, что

„мелкая крестьянская собственность представляла величину незначительную“, и разделяет мнѣніе тѣхъ, кто думаетъ, что „заявленіе Токвиля о господствѣ во Франціи мелкой собственности задолго до революціи слишкомъ категорично и далеко не обосновано“. Въ данномъ случаѣ онъ лишь повторяетъ мнѣніе, высказанное еще въ 1879 г. Карѣвымъ, пришедшимъ къ заключенію, что убѣжденіе о сильномъ господствѣ и распространеніи крестьянской собственности во Франціи, „есть, какъ онъ говоритъ, результатъ, если не путаницы понятій, то нѣкотораго недоразумѣнія“, и такое свое заключеніе, — оправдываемое абсолютнымъ почти отсутствіемъ у французскихъ изслѣдователей статистическихъ данныхъ, — основываетъ на томъ, что (и это совершенно вѣрно) главный источникъ, откуда заимствовано мнѣніе о крестьянской до-революціонной собственности, есть не иной кто, какъ Артуръ Юнгъ. Но и Токвиль, и его послѣдователи, по мнѣнію г. Карѣва, неправильно истолковали самый текстъ Артура Юнга. Г. Карѣвъ даетъ, поэтому, свое толкованіе, которое, однако, также основано на неопредѣленныхъ, неточныхъ свидѣтельствахъ и главнымъ образомъ выведено изъ чисто логическихъ умозаключеній. Сдѣланные имъ выводы, что крестьяне владѣли только третьей частью всей земли (т. е. то, что говоритъ и А. Юнгъ), да и то совмѣстно съ буржуазіей, что процессъ обезземеленія крестьянъ во Франціи какъ бы усиливался къ XVIII в., что участки, составлявшіе собственность крестьянъ, были до крайности ничтожны и *юдились развъ для виноградниковъ*, что *нѣтъ вообще статистическихъ данныхъ* для опредѣленія количества собственниковъ крестьянъ и бобылей, что, наконецъ, безземельныхъ было очень много, такъ какъ, по словамъ его, совершенно невѣрно „общераспространенное мнѣніе, будто освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сопровождалось приобрѣтеніемъ собственности“, — не подтверждены, какъ мнѣ кажется и какъ я думаю на основаніи собранныхъ данныхъ, — серьезными и сильными аргументами и опираются на случайныя и мало убѣдительныя данныя. Оттого и самое толкованіе текста Артура Юнга, противопоставляемое имъ толкованію французскихъ изслѣдователей, не выдерживаетъ критики. Текстъ слишкомъ ясенъ самъ по себѣ. Артуръ Юнгъ рѣзко отдѣляетъ крестьянскую собственность (*petite propriété*) отъ фермъ (*fermes*), феодальныхъ держаній (*tenures féodales*), земель, снимаемыхъ крестьянами изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, *métairies*. Смѣшенія понятій, какъ утвер-

2

ждаеть г. Карѣвъ, здѣсь нѣтъ, и это тѣмъ болѣе, что противорѣчіе, на которое указываетъ г. К., какъ на существующее у А. Юнга, въ дѣйствительности не имѣеть мѣста. Существованіе большого количества случаевъ держанія земли исполу вовсе не исключаетъ существованія поземельной собственности, не уменьшаетъ ея размѣровъ. Мы не должны упускать изъ виду тотъ фактъ, что къ концу XVIII в. въ рукахъ крестьянъ, въ той или иной формѣ, находилась большая часть земли, что обработка земли даже монастырями на свой рискъ и средства была во многихъ мѣстностяхъ Франціи уже крайне рѣдкимъ явленіемъ въ XVIII вѣѣ. Нѣкоторыя данныя, которыя будутъ приведены ниже, подтверждать до нѣкоторой степени все, сказанное выше. Считаю излишнимъ останавливаться на обсужденіи вопроса о томъ, насколько ненадежнымъ источникомъ для опредѣленія размѣровъ крестьянской собственности являются крестьянскіе *saïens* 1789 года, которыми, къ удивленію, пользуется для этой цѣли г. Ковалевскій.

Въ виду такихъ разнорѣчій по важному и существенному вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи до революціи, пришлось попытаться отыскать болѣе точныя данныя, существованіе которыхъ въ департаментскихъ архивахъ можно было подовѣрять и изученіе которыхъ представлялось для моей цѣли въ высшей степени необходимымъ. Мои расчеты основывались главнымъ образомъ на отысканіи данныхъ о крестьянскомъ землевладѣніи въ такъ называемыхъ террье (*livres terrieries*), сохранившееся количество которыхъ въ департаментскихъ архивахъ, такъ же какъ и въ парижскомъ національномъ архивѣ, весьма и весьма значительно. Оно гораздо значительнѣе, чѣмъ то думаютъ. Какъ увидимъ ниже, мнѣ почти не пришлось и обращаться къ нимъ, въ виду существованія громаднаго числа описей болѣе цѣннаго характера, описей, о существованіи которыхъ мало кто зналъ, да, какъ мы видѣли, оно даже отрицалось.

I.

Само собою понятно, что нечего было и думать о томъ, чтобы, собравъ матеріалъ для полнаго отвѣта на вышеуказанные вопросы. Для такой работы,—разъ она должна быть выполнена при единственно научномъ условіи, т. е. на основаніи историко-статистическаго метода (вполнѣ примѣнимаго въ рассматриваемомъ случаѣ),—потребовались бы десятки лѣтъ. Въ дѣйствительности, въ полномъ

объемъ ее могла бы выполнить лишь цѣлая специальная коммиссія. Да и какъ можетъ быть иначе, когда только одни *procès verbaux des ventes*, находящіеся (за малыми исключеніями) во всѣхъ департаментскихъ архивахъ, образуютъ въ каждомъ отдѣльномъ архивѣ коллекцію въ 100, 200, 300 и болѣе связокъ (*liasses*), или фоліантовъ (*registres*). Я не говорю уже о документахъ, касающихся землевладѣнія вообще и въ частности крестьянскаго и насчитывающихъ сотни и тысячи картоновъ, связокъ, фоліантовъ и т. д. Такова напр., коллекція *des déclarations des communes 1700* и послѣдующихъ годовъ, находящаяся въ архивѣ департамента *de la Meurthe*, 138 портфелей декларацій общинъ въ архивѣ департамента *Марны*, статистическія данныя о землевладѣніи 1773 года (тамже), громадная коллекція въ 3187 фоліантовъ (*centièmes* и *vingtièmes*) въ архивѣ департамента *Па-де-Кале (Аррасъ)*, и т. д.

Въ виду такого обилія матеріала я вынужденъ былъ ограничиться лишь немногими архивами, гораздо меньшимъ ихъ числомъ, чѣмъ я предполагалъ до поѣздки. Уже въ первомъ изъ нихъ, съ котораго я началъ изысканія, въ архивѣ департамента *Côte d'Or* (въ Дижонѣ), мнѣ удалось открыть цѣлый рядъ совершенно неизвѣстныхъ до сихъ поръ описей общинъ, содержаніе которыхъ превзошло всѣ мои расчеты и ожиданія и которыя пришлось списать почти цѣликомъ. Въ другомъ архивѣ, въ архивѣ Па-де-Кале, я наткнулся на описи и крестьянскихъ, и церковныхъ, и дворянскихъ земель, на податныя книги (*série C., états d'Artois état numérique des rôles d'impositions*), изъ которыхъ къ 1569 г. относится 749 фол., къ 1757 году (*rôles des vingtièmes*)—800, наконецъ, къ 1779—86 (*centièmes*)—723. Необходимо было списать описи хотя бы одного дистрикта для 1569 и 1779—86 годовъ.

Вотъ почему, по указаннымъ выше вопросамъ, мои работы по неволѣ пришлось ограничить лишь тремя архивами: архивомъ *Côte d'Or*, *de la Haute Garonne* (въ Тулузѣ), *Pas de Calais* (въ Аррасѣ) ¹⁾.

¹⁾ Къ сожалѣнію, я долженъ былъ прекратить начатую работу въ архивѣ ронскаго департамента, въ Лионѣ, не смотря на важное значеніе этого пункта для исторіи продажи національныхъ имуществъ, значеніе, обусловливаемое существованіемъ въ департаментѣ такого крупнаго торгово-промышленнаго центра, какъ Лионъ. Причина заключалась въ томъ, что и до сихъ поръ акты продажи не приведены въ порядокъ, и оказалось невозможнымъ отыскать всѣ акты продажи земель, принадлежавшихъ эмигрантамъ. Подобраны

Выборъ указанныхъ департаментовъ не былъ лишь случайнымъ. Я руководилъ въ данномъ случаѣ слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, архивы этихъ департаментовъ—архивы мѣстностей, гдѣ до конца XVIII вѣва, почти до самой революціи сохранились провинціальныя штаты и связанная съ ними система обложенія, вызывавшая необходимость въ составленіи подворныхъ описей, оцѣночныхъ вѣдомостей, податныхъ и кадастровыхъ книгъ, о существованіи которыхъ въ архивѣ Тулузы мнѣ было заранее извѣстно, такъ какъ мнѣ пришлось уже дважды работать въ немъ (въ 1872 и 1882 годахъ). Существованіе такого рода документовъ въ архивѣ Тулузы заставляло меня предполагать, что сходныя описи сохранились и въ архивахъ Дижона, и въ архивахъ Арраса, Ренна, Гренобля, Марсели. Во вторыхъ, данныя, какія я предполагалъ извлечь изъ этихъ архивовъ, касаются мѣстностей, входившихъ въ составъ наиболѣе крупныхъ и обширныхъ областей, каковы 1) Бургундія, 2) Лангедокъ и Гіень и 3) Артуа, т. е. областей, гдѣ экономическія условія жизни, въ каждой изъ нихъ отдѣльно, были въ XVIII вѣвѣ болѣе или менѣе однообразны, а, слѣдовательно, данныя одной части могли послужить характеристикой и для всѣхъ остальныхъ частей одной и той же области.

Изысканія я началъ съ архива департамента Côte d'Or, гдѣ какъ и въ другихъ архивахъ, лишь благодаря той изумительной любезности и предупредительности, съ какою французскіе департаментскіе архивариусы (ученики Ecole des chartes) относятся къ работамъ въ ихъ архивахъ пріѣзжихъ лицъ, благодаря любезному разрѣшенію съ ихъ стороны работать во всѣ безъ исключенія дни недѣли и по 12—13 часовъ въ сутки, я и въ состояніи былъ сдѣлать въ четыре мѣсяца, то, на что, при другихъ условіяхъ, потребовалось бы около года ¹⁾.

Работы я началъ съ коллекціи *procès-verbaux des ventes des biens nationaux (Serie Q)*, состоящей изъ 170 громадныхъ связокъ. Извѣстный ученый, мѣстный архивариусъ Гарвье, давно уже привелъ

акты продажи церковныхъ земель, но въ нихъ нѣтъ указаній профессій всѣхъ покупателей, а документовъ, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить званіе и занятія покупателей, было мало и большая часть ихъ тоже еще не приведена въ извѣстность.

¹⁾ Официально архивы открыты для занятій съ 10 до 4 или 6 часовъ.